

Невербальная коммуникация персонажей романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Research
Article

КАНЕВСКАЯ, Татьяна Дмитриевна*

Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы реабилитационная школа-интернат № 32, Москва, Россия

Received:

15 June 2019

Reviewed:

10 November 2019

Accepted:

25 November 2019

Published:

1 December 2019

В статье выявляются и анализируются невербальные компоненты коммуникации (НВКК) в диалогах персонажей романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», отображённых писателем и значимых для характеристики данных персонажей. В целом НВКК играют очень важную роль в изображении и характеристике персонажей М. Ю. Лермонтова. Можно отметить их многообразие (осуществляемые в соответствии с правилами и нормами общения и представляющие собой ошибочные коммуникативные действия или коммуникативные неудачи), многообразие передаваемых посредством их смыслов (средства привлечения внимания, этикетные коммуникативные действия, сигналы гармонической и дисгармонической тональности) и интересную рефлексию персонажей (прежде всего Печорина) по поводу НВКК.

UDC: 811.161.1'27

Ключевые слова: невербальные компоненты коммуникации; информатика; фатика; коммуникативные неудачи; прагматика.

For citation:

Kanevskaya, Tatyana
Dmitrievna. 2019.

“Neverbal'naia
kommunikatsiia
personazhei romana
M. Yu. Lermontova
'Geroi nashego
vremeni'” [Non-
verbal

communication in
Mikhail Lermontov's
novel “A Hero of Our
Time”]. *Language.
Text. Society* 6 (1): 1-
12.

<https://ltsj.online/2019-06-1-kanevskaya>.

(in Russian)

Non-verbal communication in Mikhail Lermontov's novel “A Hero of Our Time”

KANEVSKAYA, Tatyana Dmitrievna

Rehabilitation boarding school No. 32, Moscow, Russia

The article identifies and analyzes non-verbal components of communication (NVCCs) in the dialogues of the characters of Lermontov's novel “A Hero of Our Time”, depicted by the author and significant for the description of these characters. In general, the NVCCs play a very important role in the representation and characterization of Lermontov's characters. It is possible to note their variety (carried out according to rules and norms of communication vs those representing erroneous communicative actions or communicative failures), a variety of messages conveyed by them (means of attracting attention, etiquette communicative actions, signals of harmonic and disharmonic tonality) and interesting reflexion of the characters (first of all Pechorin) about the NVCCs.

Keywords: non-verbal components of communication; informative expressions; phatic expressions; communication failures; pragmatics.

Цитирование: Каневская Т. Д. Невербальная коммуникация персонажей романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // *Language. Text. Society*. Т. 6. № 1. С. 1-12. <https://ltsj.online/2019-06-1-kanevskaya>.

Language. Text.
Society

Vol. 6 No. 1, 2019
ISSN 2687-0487

* E-mail: tdk69@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистической науке о коммуникации проблема невербальной коммуникации, невербальных компонентов коммуникации (далее — НВКК) становится всё более актуальной (Арутюнова 1999; Богданов 1986; Горелов 1980; Имплицитность в языке и речи 1999; Крейдлин 2002; Кристева 2004; Шарифуллин 2016).

Как подчёркивал И. Н. Горелов, «Вербальная часть сообщения накладывается на предварительно выраженную невербальную систему коммуникации» (Горелов 1980, 81).

В статье выявляются и анализируются НВКК в коммуникации персонажей романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», отображённые писателем и значимые для характеристики персонажей.

Автор вслед за Деборой Шиффрин (Schiffrin 1994) исходит из единства вербальной и невербальной деятельности. По Л. А. Кондратьеву (2005, 56), невербальная коммуникация — это «совокупность неречевых коммуникативных средств — система жестов, знаков, символов, кодов, использующихся для передачи сообщения с большой степенью точности и играющих важнейшую роль в смысловом понимании людей друг друга».

Как и современные исследователи невербальной коммуникации (Карасик 2017; Седов 2016; Стернин 2001; Шарифуллин 2016; Coulthard 1985; Sacks 1995; Tannen 1984), автор рассматривает невербальную коммуникацию и её единицы — жесты, мимику, проксемику — с точки зрения участия в коммуникативном поведении, а именно: передаваемых и принимаемых коммуникативных смыслов. В этом отношении наиболее принципиальным членением коммуникативного поведения нами признаётся предлагаемое Т. Г. Винокур противопоставление фатики и информатики (1993). Рассмотрение данных единиц и коммуникативных смыслов в общении персонажей художественных произведений является необщепризнанным; мы следуем за О. Б. Сиротининой и Г. Г. Полищук, которые понимали данное общение, изображённое писателями, как типизацию, то есть отображение наиболее характерного, а не как стилизацию (1979).

МАТЕРИАЛ

В целом НВКК играют очень важную роль в изображении и характеристике персонажей М. Ю. Лермонтова; можно отметить и их многообразие, и многообразие передаваемых посредством их смыслов, и, главное, очень интересную рефлексивность персонажей (прежде всего Печорина) по поводу НВКК.

Нам кажется, что самым ярким подтверждением данного положения может быть реальный случай, рассказанный И. Н. Гореловым. Лектор задал студентам вопрос: «На что обиделся Максим Максимович, когда после длительной разлуки вновь встретился с Печориным?» Ответ был таким: «Максим Максимович обиделся, потому что Печорин был с ним груб». Тогда лектор раздал студентам карточки с текстом из романа М. Ю. Лермонтова. В отрывке студенты прочитали:

– Как я рад, дорогой Максим Максимыч! Ну, как вы поживаете?... Еду в Персию – и дальше..., Мне пора, Максим Максимыч... Скучал! ... Да, помню! ... Право, мне нечего рассказывать, дорогой Максим Максимыч ... Однако прощайте, мне пора ... я спешу ... Благодарю, что не забыли ... Ну, полно, полно! ... Неужели я не тот же? ... Что делать? ... Всякому своя дорога... Удастся ли ещё встретиться – Бог знает... Что хотите! Прощайте!

«Дорогой», «как я рад», «благодарю, что не забыли»... Разве это обидные слова? Напротив! Но лермонтовский текст продолжается: *«Мы простились довольно сухо. Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном! И отчего?»* Действительно: «И отчего?» Цитируем дальше: *«Оттого, что Печорин в рассеянности или от другой причины протянул ему (Максиму Максимычу) руку, когда тот хотел кинуться ему на шею!»* Не совсем так. Точнее — совсем не так. В тексте романа Максим Максимыч говорит с кучером Печорина (от кучера и стало известно, что приехал его барин) очень эмоционально, даже хлопает его по плечу от радостного известия (не забудем, что Максим Максимыч — штабс-капитан, тоже «барин» для кучера!), уверен, что Печорин *«сейчас прибежит»*, узнав, что он, Максим Максимыч, здесь. Но в напрасном ожидании старик проводит бессонную ночь, а утром едва успевает подбежать к заложенной уже коляске, где сидит Печорин.

Старик едва мог дышать, пот градом катился с лица его, мокрые клочья седых волос, вырвавшись из-под шапки, приклеились ко лбу его ... он хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя и с приветливой улыбкой, протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбенел, но потом жадно схватил его руку обеими руками; он еще не мог говорить.

В немой сцене выделены неречевые действия, НВКК. Что, разве Печорин не понял состояние Максима Максимыча? Разве в ответ на горячие слова прежнего друга можно было *«сидеть в коляске»*, позволить кучеру *«подбирать вожжи»* и отвечать, *«произвольно зевнув»*? Да и зачем *«произвольно зевать»*!? Ясно, что Печорину стало в тягость общение с *«упрямым и сварливым»* Максимом Максимовичем, потому-то *«приветливая улыбка»* (явно показная, машинальная, *«из светской вежливости»*) так не согласуется с *«холодно протянутой рукой»* и со всеми перечисленными выше НВКК Печорина, протипоставленными в тексте столь значительными проявлениями эмоций Максима Максимовича. Как видим, невербальные знаки становятся причиной неожиданной (для Печорина) реакции его давнего знакомого, с одной стороны, а с другой — яркой характеристикой изменений, происшедших с главным героем.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

1.1. Начнём с рассмотрения тех НВКК, которые выступают как характеризаторы персонажей, хотя и используются ими не для непосредственного участия в коммуникации. Это как бы «некоммуникативные» НВКК, характерные для пассивного состояния персонажа, или активные действия, не предназначенные непосредственно для передачи коммуникативных смыслов (которые, впрочем, могут весьма глубоко и точно характеризовать его для читателя).

В целом таких НВКК довольно много:

Молчание.

– Что ж? Он молод, хорош, особенно, верно, богат, и ты боишься... — Я взглянул на неё и испугался; её лицо выражало глубокое страдание, на глазах сверкали слезы.

Женщина вскочила и стала всматриваться в даль с видом беспокойства.

– Ты бредишь, слепой, — сказала она.

В примере выше мы видим один из видов невербальной коммуникации, а именно, по Андрианову, визуально-оптическую. К явлению коммуникации здесь позволительно отнести данное описание реакции персонажа, поскольку оно является реакцией на предыдущие речевые действия другого персонажа. «...Многие собственные невербальные проявления, как правило, слабо осознаются участниками общения (остаются в сфере бессознательного) и плохо поддаются контролю сознания, но вот чужие — воспринимаются довольно легко и правильно интерпретируются» (Андрианов 2005). Непроизвольная реакция молодой женщины становится знаком для воспринимающего персонажа, что и позволяет трактовать происходящее как ситуацию невербальной коммуникации

*Грушницкий ударил по столу кулаком и стал ходить взад и вперед по комнате. Я внутренне хохотал и даже **раза два улыбнулся**, но он, к счастью, этого не заметил.*

*Бедняжка! Как он ухитрился, опираясь на костыль, и все напрасно. **Выразительное лицо его в самом деле изображало страдание.***

Княжна Мери видела всё это лучше меня.

*Легче птички она к нему подскочила, нагнулась, подняла стакан и подала его с телодвижением, исполненным невыразимой прелести; **потом ужасно покраснела.***

– А! так это вас ударил я так неловко по голове?..

Он пожелтел, посинел; скрытая злоба изобразилась на лице его.

– Вы счастливы в игре, — сказал я Вуличу...

*– В первый раз отроду, — отвечал он, **самодовольно улыбаясь**, — это лучше банка и штосса.*

*– Ты видел? — сказал он, **крепко пожимая мне руку**, — это просто ангел!*

Здесь *крепко пожимая мне руку* — не этикетное действие, а сигнал внутреннего эмоционального состояния. Мы можем говорить о тактильно-кинестетической разновидности невербальной коммуникации (Андрианов 2005)

Для характеристики состояния некоторых персонажей Лермонтов особенно часто использует отдельные НВКК, например, княжна Мери часто *краснеет*:

*Я дал ей почувствовать очень запутанной фразой, что она мне давно нравится. Она наклонила головку и **слегка покраснела.***

– Вы странный человек! — сказала она потом, подняв на меня свои бархатные глаза и принужденно засмеявшись.

– ...здесь эта толстая шинель не помешала знакомству с вами...

*– Напротив... — сказала княжна, **покраснев.***

– Я не хотел с вами знакомиться, — продолжал я, — потому что вас окружает густая толпа поклонников, и я боялся в ней исчезнуть совершенно.

– Вы напрасно боялись! Они все прескучные...

– Все! Неужели все?

Она посмотрела на меня пристально, стараясь будто припомнить что-то, потом опять слегка покраснела и, наконец, произнесла решительно: все!

1.2. Следующая группа НВКК — уже несомненно коммуникативные, то есть используемые персонажами сознательно.

1.2.1. Многие НВКК выполняют роль этикетных действий. Их коммуникативный смысл однозначен, его обычно легко определить, и в этом отношении такие НВКК «просты» с содержательной точки зрения:

– *Достойный друг!* — сказал я, **протянув ему руку. Доктор пожал её с чувством...**

– *Печорин! давно ли здесь?*
Оборачиваюсь: Грушницкий! Мы обнялись.

Печорин встал, поклонился ей, приложил руку ко лбу и сердцу и просил меня отвечать ей, я хорошо знаю по-ихнему и перевёл его ответ.

– *Послушайте, мсье Печорин! я думаю, что вы благородный человек.*
Я поклонился.

Если продолжить классификацию невербальной коммуникации по характеру сенсорного взаимодействия коммуникантов, то мы имеем проксемическую невербальную коммуникацию, связанную с организацией взаимодействия в пространстве (Андрианов 2005).

1.2.2. Характерно, что этикетные действия можно объединить с «антиэтикетными» действиями по шкале фатических действий. Часто «антиэтикетные» действия представляют собой просто неосуществление вовремя этикетного действия (знака), но иногда это самостоятельные действия:

Взошёл доктор: лоб его был нахмурен; он, против обыкновения, не протянул мне руки.

Грушницкий мне не кланяется уже несколько времени, а нынче раза два посмотрел на меня довольно дерзко.

– *Я замужем!..* — сказала она.
– *Опять? Однако несколько лет тому назад эта причина также существовала, но между тем...*

Она выдернула свою руку из моей, и щёки её запылали.

Он посмотрел довольно дерзко, поправил галстук и отвернулся; шедший возле него армянин, улыбаясь, отвечал за него, что точно пришла оказия и завтра утром отправится обратно.

Неэтикетность поведения последнего персонажа очевидна для всех; интересно, что армянин исправляет, заглаживает неловкое впечатление от чужой грубости и информативной речью, сообщая требуемую информацию, которую отказался сообщить персонаж, и посредством НВКК (улыбаясь).

1.2.3. После рассмотрения этих антиэтикетных действий остановимся на одной ситуации, изображённой в романе. Нам кажется очень важным изображение в романе ситуации

дуэли. Здесь проявляется очень хорошее знание деталей ритуала, «кодекса», и это важно для характеристики персонажей как крайняя острая ситуация.

Идеал, который создала дворянская культура в XVIII – начале XIX века, предполагал полное бесстрашие и утверждение чести как основного законодателя поведения человека в обществе. Дуэль, с её строгой процедурой, жёсткими правилами, занимала особое положение в жизни русского дворянства. Это и средство защиты личного достоинства, и демонстрация бесстрашия. Но дуэль — это и убийство, пусть и совершаемое по определённым законам сословной этики.

Печорин выступает как активный защитник дуэли, ведь Грушницкий задел его честь и честь княжны Мери. Кроме того, Грушницкий и его приятели хотели зло подшутить над героем, и, конечно, Печорин, с его самолюбием и жаждой свободы, не мог этого простить.

НВКК в изображении вызова:

– А! так это вас ударил я так неловко по голове?..

Он пожелтел, посинел; скрытая злоба изобразилась на лице его.

– Я буду иметь честь прислать к вам нониче моего секунданта, — прибавил я, раскланявшись очень вежливо и показывая вид, будто не обращаю внимания на его бешенство.

НВКК в изображении собственно процесса дуэли:

Грушницкий стал против меня и по данному знаку начал поднимать пистолет. Колени его дрожали. Он целил мне прямо в лоб... Неизъяснимое бешенство закипало в груди моей.

Вдруг он опустил дуло пистолета и, побледнев как полотно, повернулся к своему секунданту.

– Не могу, — сказал он глухим голосом.

1.2.4. М. Ю. Лермонтов, несомненно, придавал большое значение организации ситуации общения, в частности, сигналам привлечения внимания (фатической метакоммуникации). Чаще всего для этой цели человека хватают за руку. Действие это фатическое, но вряд ли этикетное. Почему частотнее неэтикетное привлечение внимания по сравнению с этикетными обращениями? Видимо, оно соответствует более сильному душевному волнению (аффективному фактору). Это нередко также в поведении тех персонажей, о которых читателю известно, что они не очень хорошо разбираются в правилах этикета или недостаточно обучены приличиям («простые люди»), либо что они склонны совершать ошибки в коммуникативном поведении (Максим Максимыч, Грушницкий):

*“Идите за мной!” — сказала она, **взяв меня за руку**, и мы стали спускаться.*

*– Эй, любезный! — закричал часовой, **махая ему рукой**, — подожди маленько, что ты крутишься, как волчок?*

*– Плохое дело в чужом пиру похмелье, — сказал я Григорью Александровичу, **поймав его за руку**, — не лучше ли нам поскорей убраться?*

*– Послушай, братец, — спросил у него штабс-капитан, — чья эта чудесная коляска?.. а?.. Прекрасная коляска!.. — Лакей, не оборачиваясь, бормотал что-то про себя, развязывал чемодан. Максим Максимович рассердился; он **тронул неучтивца по плечу** и сказал:*

– Я тебе говорю, любезный...

От этих знаковых жестов, по-видимому, следует отличать те коммуникативные ситуации, когда *схватить за руку* означает не абстрактное привлечение внимания вообще, а привлечение внимания к какой-то детали. Ср. положение Е. В. Красильниковой о примыкающем «к отдельному слову <...> изобразительном жесте, который вносит дополнительные сведения о реальном предмете или экспрессивно обнажает внутреннюю форму слова» (РРР 1983, 216):

– *Это лошадь отца моего, — сказала Бэла, схватив меня за руку; она дрожала как лист, и глаза её сверкали.*

Это может быть бессознательное фиксирование внимания на каком-то важном смысле:

– *Выздоровела? — спросил я у штабс-капитана, схватив его за руку и невольно обрадовавшись.*

– *Что ты? что ты? Печорин?..*

Ах, боже мой!.. да не служил ли он на Кавказе?.. — воскликнул Максим Максимыч, дёрнув меня за рукав. У него в глазах сверкала радость.

От таких чисто фатических и метакоммуникативных НВКК, характеризующихся полной смысловой точностью и однозначностью, следует отличать более содержательно сложные и неопределённые сигналы, форма которых (НВКК) может быть абсолютно такой же. Например, НВКК, цель которого — создать непринуждённую, дружескую тональность общения:

“Вы верно, — спросил я его, — переведены сюда из России?” — “Точно так, господин штабс-капитан”, — отвечал он. Я взял его за руку и сказал: “Очень рад, очень рад. Вам будет немножко скучно... Ну, да мы с вами будем жить по-приятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максим Максимыч, и, пожалуйста, — к чему эта полная форма? приходите ко мне всегда в фуражке”.

Ещё более сложное действие, внешне напоминающее предыдущее:

“...Я виноват перед тобой и должен наказать себя: прощай, я еду — куда? почём я знаю! Авось недолго буду гоняться за пулей или ударом шашки: тогда вспомни обо мне и прости меня”. — Он отвернулся и протянул ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала.

Протянул руку на прощанье — как будто бы этикетный НВКК, требующий в гармоническом общении людей ответного этикетного жеста-действия. Конвенциональные жесты-действия вступают в жёсткие системные отношения, в парную парадигму с отсутствием знакового действия.

Отсутствие действия в такой парадигме трактуется как выражение отрицательного отношения, невежливое, дисгармоническое. Возвращаясь к рассмотренной ситуации общения Печорина и Бэлы, следует отметить, что ответное действие Бэлы *Она не взяла руки, молчала* как будто бы является нарушением этикета. Действие Бэлы, однако (точнее — значимое отсутствие действия), означает, что Бэла не хочет отвечать в такой тональности — вежливо-

холодной, отчуждённой. Отсутствие этикетного действия ещё более содержательно, “говоряще”, чем было бы ответное рукопожатие, и, конечно, гораздо более тепло, сердечно.

Следует отметить, что с точки зрения формы абсолютное большинство НВКК, даже передающих сложнейшие и разнообразные смыслы, совпадает по форме. Формальное разнообразие НВКК гораздо меньше, чем разнообразие передаваемых и принимаемых коммуникативных смыслов, и оно очень уступает языковым средствам. Одной и той же НВКК (по причине «малой дифференциации артикулируемости плана выражения») могут быть приписаны совершенно разные коммуникативные смыслы.

1.2.5. Рассмотрим невербальные фатические «поглаживания» и невербальные действия с противоположным значением — дисгармонические «уколы». НВКК-«поглаживания» используются образованными людьми:

*– Я знала, что вы здесь, — сказала она. **Я сел возле неё и взял её за руку.** Давно забытый трепет пробежал по моим жилам при звуке этого милого голоса; она **посмотрела мне в глаза** своими глубокими и спокойными глазами: в них выражалась недоверчивость и что-то похожее на упрёк.*

Грушицкий успел принять драматическую позу с помощью костыля и громко отвечал мне по-французски...

*Хорошенькая княжна обернулась и **подарила оратора долгим любопытным взором.** Выражение одного взора было очень неопределённо, но не насмешливо...*

Интересно абсолютное преобладание фатических НВКК над вербализованной фатикой в коммуникативном поведении горцев, в коммуникативных действиях, обращённых к ним, а также к тяжело больным и животным:

*И слышно было, как он **трепал рукою по гладкой шее своего скакуна,** давал ему разные нежные названия.*

*Он стал на колени возле кровати, приподнял её голову с подушки и **прижал свои губы к её холодеющим губам;** она **крепко обвила его шею дрожащими руками,** будто в этом поцелуе хотела передать ему свою душу...*

*Она ужасно мучилась, стонала, и только что боль начинала утихать, она старалась уверить Григория Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, **целовала его руку, не выпускала её из своих.***

– Поди прочь, безумный мальчишка! Где тебе ездить на моем коне? На первых трёх шагах он тебя сбросит, и ты разобьёшь себе затылок о камни.

*– Меня! — крикнул Азамат в бешенстве, и **железо детского кинжала зазвенело об кольчугу.** Сильная рука оттолкнула его прочь, и он ударился об плетень так, что плетень зашатался.*

Все описанные случаи мы можем подвести под тактильную невербальную коммуникацию — герои взаимодействуют в пространстве и через сближение демонстрируют отношение к другому субъекту.

1.3. Очень интересны о ш и б к и в смыслах, передаваемых посредством НВКК. Такие ошибки — всегда результат сознательного выбора и обращения к скорее всего однозначным (конвенциональным), но неправильно использованным невербальным сигналам. Это всегда очень значительно характеризует и ситуацию общения (передачи и приёма коммуникативных смыслов) в целом.

*...несколько раз её взгляд, упав на меня, **выражал досаду, стараясь выразить равнодушие***

Некоторые персонажи (Максим Максимыч, Грушницкий) изображаются преимущественно через такие ошибки.

*– Ну так!.. так!.. Григорий Александрович?.. Так ведь его зовут?.. Мы с твоим барином были приятели, — прибавил он, **ударив дружески по плечу лакея, так что заставил его пошатнуться...***

*Мы встретились как старые приятели. Я предложил ему свою комнату. Он не церемонился, **даже ударил меня по плечу и скривил рот на манер улыбки.***

В данном случае как раз можно говорить об ошибках фатического общения, транслирующего одновременно информацию о субъекте этого вида коммуникативной деятельности.

*Грушницкий **самодовольно улыбнулся.***

– Какой вздор! — сказал он.

– Я уверен, — продолжал я, — что княжна в тебя уж влюблена.

Он покраснел до ушей и надулся.

– У тебя все шутки! — сказал он...

Интересно, что в и з о б р а ж е н и и ошибок в НВКК огромную роль играют... сами ошибки! Часто персонаж чувствует, что ведёт себя как-то не так; тогда показателем этой части его коммуникативной рефлексии тоже выступают НВКК — герой *краснеет*.

Очень интересен в этом отношении образ Грушницкого, в лице которого Лермонтов, как известно, изображает пародию на «романтического героя».

В Грушницком Лермонтов запечатлел вполне характерный образ русской жизни тридцатых годов XIX столетия, возникший под влиянием моды на разочарованность и романтизм одинокой личности.

Лермонтов рисует Грушницкого человеком, все помыслы которого направлены в сторону «поэтического». Он драпируется в необычные чувства, страсти, исключительные страдания. Однако, как замечает Печорин, просто прекрасное его не трогает. Эти люди лишены способности видеть прекрасное в жизни. Печорин выносит единомышленникам Грушницкого суровый приговор: «В их душе часто много добрых свойств, но ни на грош поэзии». Поэтому под старость они становятся либо мирными помещиками, либо пьяницами, — иногда и тем, и другим.

Внутренний мир Грушницкого крайне убог. Он лишён собственного содержания. Поэтому он и вынужден подражать другим, прежде всего Печорину. Однако заимствует Грушницкий только внешнюю маску главного героя. И всё в нём становится фальшивым. Печорин прячет от

всех свою «болезнь», а Грушницкий крикливо выставляет напоказ свой псевдоромантический облик.

С этим связаны и ошибки в НВКК Грушницкого: он постоянно фальшивит, «играя чужую роль», при этом фальшивы и его слова, и НВКК. Но в последнем случае фальшь оказывается заметнее и Печорину, и читателям, чем в его речи. Не случайно большинство черт характера Грушницкого раскрываются именно через его НВКК.

Грушницкий характеризуется общим неумением себя вести, что также связано с его общим псевдоромантическим образом. Ошибки в НВКК фиксируются очень точными замечаниями Печорина, тонко разбирающегося в людях и вопросах общения:

Грушницкий целый вечер преследовал княжну, танцевал или с нею, или vis-a-vis; он пожирал её глазами, вздыхал и надоедал ей мольбами и упрёками.

– ...Только любовь, которую мы читаем в глазах, ни к чему женщину не обязывает, тогда как слова... Берегись, Грушницкий, она тебя надувает...

– Она?.. — отвечал он, **подняв глаза к небу и самодовольно улыбнувшись**, — мне жаль тебя, Печорин!..

Грушницкий, увидев меня издали, подошёл ко мне: какой-то смешной восторг блистал в его глазах. Он крепко пожал мне руку и сказал трагическим голосом:

– Благодарю тебя, Печорин... Ты понимаешь меня?..

Грушницкий самодовольно улыбнулся.

– Какой вздор! — сказал он.

– Я уверен, — продолжал я, — что княжна в тебя уж влюблена.

Он покраснел до ушей и надулся.

– У тебя всё шутки! — сказал он...

Грушницкий принял таинственный вид: ходит, закинув руки за спину, и никого не узнаёт; нога его вдруг выздоровела: он едва хромает.

1.4. От таких ошибок в НВКК следует отличать НВКК, используемые сознательно в функции игры, со значением иронии и т.п. Хотя внешне они похожи на ошибочные в том, что и те, и другие требуют дополнительной интерпретации, а следовательно включают дополнительные и смыслы, но только в случае иронии эти сложные смыслы передаются намеренно:

– Родинка! — пробормотал я сквозь зубы. — Неужели?

*Доктор посмотрел на меня и сказал торжественно, **положив мне руку на сердце:***

– Она вам знакома!.. — *Моё сердце точно билось сильнее обыкновенного.*

В качестве НВКК-иронии могут выступать и НВКК, сопровождающие вербальную иронию (часовой хочет застрелить Казбича и издевательски предлагает тому встать поудобнее для стреляющего):

– Эй, любезный! — **закричал часовой, махая ему рукой**, — подожди маленько, что ты крутишься, как волчок?

Казбич остановился в самом деле и стал вслушиваться...

Выводы

Итак, нами были рассмотрены невербальные компоненты коммуникации в диалогах персонажей романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» по методике, опирающейся на представление о единстве вербальной и невербальной деятельности и включающей в качестве базового членения невербальной коммуникации противопоставление фатики и информатики и их типов и жанров. Проведённый анализ позволяет говорить, во-первых, об обострённом внимании писателя к данным разновидностям человеческой коммуникации. Во-вторых, можно сделать предварительный вывод (конечно, он нуждается в более тщательной проверке) о преимущественном внимании М. Ю. Лермонтова к фатике (гармонической и дисгармонической), при изображении и интерпретации которой писатель проявляет преимущественное внимание к непрямым, дедуктивно выводимым коммуникативным смыслам, что вполне соответствует жанру психологического романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрианов М. С. *Невербальная коммуникация: психология и право*. М.: Ин-т общегуманитарных исслед., 2007.
- Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Богданов В. В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации // *Языковое общение и его единицы*. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1986. С. 12–18.
- Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. М.: Наука, 1993. С. 5–29.
- Горелов И. Н. *Невербальные компоненты коммуникации*. М.: Наука, 1980.
- Имплицитность в языке и речи*. М.: Языки русской культуры, 1999. (Studia Philologica).
- Карасик В. И. *Языковая пластика общения*. Волгоград: Парадигма, 2017.
- Крейдлин Г. Е. *Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык*. М.: Новое литературное обозрение. Серия: Научная библиотека, 2002.
- Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? // *Избранные труды: Разрушение поэтики*. М.: РОССПЭН, 2004. С. 114–135.
- Полищук Г. Г., Сиротинина О. Б. Разговорная речь и художественный диалог // *Лингвистика и поэтика*. М.: Наука, 1979. С. 188–199.
- PPP 1983 — *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест* / Земская Е.А. (отв. ред.). М.: Наука, 1983.
- Седов К. Ф. *Общая и антропоцентрическая лингвистика* / Под ред. В. В. Дементьева и С. Н. Цейтлин. М.: Языки славянских культур: Издательский Дом ЯСК, 2016. (Studia philologica).
- Социальная психология: словарь* / ред. М. Ю. Кондратьев. Москва: Пер Сэ; Санкт-Петербург: Речь, 2005.
- Стернин И. А. *Введение в речевое воздействие*. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001.
- Шарифуллин Б. Я. Речевые жанры в невербальной коммуникации // *Жанры речи*. 2016. №1 (13). С. 18–23.
- Coulthard M. *An Introduction to Discourse Analysis*. 2nd ed. London; New York: Longman, 1985.
- Sacks H. 1995. *Lectures on Conversation*, edited by Gail Jefferson, with an introduction by Emanuel A. Schegloff. 2 vols. Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 1995. <https://doi.org/10.1002/9781444328301>.
- Schiffirin D. *Approaches to Discourse*. Oxford; Cambridge, 1994.
- Tannen D. *Conversational Style: Analyzing Talk among Friends*. Norwood, NJ: Ablex Pub. Co., 1984.

REFERENCES

- Andrianov, Mikhail Semenovich. 2007. *Neverbal'naia kommunikatsiia: psikhologiiia i pravo* [Non-verbal communication: psychology and law]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniï
- Arutiunova, Nina Davidovna. 1999. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the world of a human]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (in Russian)
- Bogdanov, V. V. 1986. "Molchanie kak nulevoi rechevoi akt i ego rol' v verbal'noi kommunikatsii" [Silence as a zero speech act and its role in verbal communication]. In *Iazykovoie obshchenie i ego edinity* [Language communication and its units], 12–18. Kalinin: Kalinin State University. (in Russian)
- Coulthard Malcolm. 1985. *An Introduction to Discourse Analysis*. Applied Linguistics and Language Study. 2nd ed. London; New York: Longman, 1985.

- Gorelov, Il'ia Naumovich. 1980. *Neverbal'nye komponenty kommunikatsii* [Non-verbal components of communication]. Moscow: Nauka. (in Russian)
- Implitsitnost' v iazyke i rechi* [Implicitness in Language and Speech]. 1999. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (Studia Philologica Series). (in Russian)
- Karasik, Vladimir Il'ich. 2017. *Iazykovaia plastika obshcheniia* [Linguistic plasticity of communication]. Volgograd: Paradigma. (in Russian)
- Kondrat'ev, Mikhail Iur'evich, ed. 2005. *Sotsial'naia psikhologiiia: slovar'* [Social psychology: dictionary]. Moscow: Per Se; St. Petersburg: Rech'.
- Kreidlin, Grigorii Efimovich. 2002. *Neverbal'naia semiotika: Iazyk tela i estestvennyi iazyk* [Non-verbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Academic Library Series). (in Russian)
- Kristeva, Julia. 2004. "Zhest: praktika ili kommunikatsiia?" [Gesture: practice or communication?] In *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected works: The destruction of poetics], 114–135. Moscow: ROSSPEN. (in Russian)
- Polishchuk, Galina Georgievna, and Ol'ga Borisovna Sirotnina. 1979. "Razgovornaia rech' i khudozhestvennyi dialog" [Colloquial speech and artistic dialogue]. In *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics], 188–199. Moscow: Nauka. (in Russian)
- Sacks, Harvey. 1995. *Lectures on Conversation*, edited by Gail Jefferson, with an introduction by Emanuel A. Schegloff. 2 vols. Oxford, UK: Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781444328301>.
- Schiffrin, Deborah. 1994. *Approaches to discourse*. Blackwell textbooks in linguistics 8. Oxford, UK; Cambridge, MA: B. Blackwell.
- Sedov, Konstantin Fedorovich. 2016. *Obshchaia i antropotsentricheskaia lingvistika* [General and anthropocentric linguistics], edited by Vadim Viktorovich Dement'ev and Stella Naumovna Tseitlin. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur: IaSK. (Studia Philologica Series). (in Russian)
- Sharifullin, Boris Yakhiyevich. 2016. "Rechevye zhanry v neverbal'noi kommunikatsii" [The Speech Genres of Non-Verbal Communication] *Zhanry rechi* [Speech Genres], no. 1: 18–23. (in Russian)
- Sternin, Iosif Abramovich. 2001. *Vvedenie v rechevye vozdeistvie* [Introduction to linguistic manipulation]. Voronezh: Voronezh State University. (in Russian)
- Tannen, Deborah. 1984. *Conversational style: analyzing talk among friends*. Language and learning for human service professions. Norwood, N.J.: Ablex Pub. Corp.
- Vinokur, Tat'iana Grigor'evna. 1993. "Informativnaia i fatcheskaia rech' kak obnaruzhenie raznykh kommunikativnykh namerenii govoriashchego i slushaiushchego" [Informative and phatic speech as the manifestation of various communicative intentions of the speaker and listener]. In *Russkii iazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [The Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspect], 5–29. Moscow: Nauka. (in Russian)
- Zemskaja, Elena Andreevna, ed. 1983. *Russkaia razgovornaia rech'. Fonetika. Morfologiiia. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Acknowledgments

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article. The author received no financial support for the research, authorship and/or publication of this article.

Copyrights

Copyright for this article is retained by the author, with publication rights granted to the journal.

This open access article is distributed under a custom license: freely available to download, save, reproduce, and transmit for noncommercial, scholarly, and educational purposes; to reuse portions or extracts in other works—all with proper attribution to the original author(s), title, and the journal. Commercial use, reproduction or distribution requires additional permissions.
